

Архиепископ Арсений (Смолянец)

АРХИЕПИСКОП ФЕОДОСИЙСКИЙ

АРСЕНИЙ (СМОЛЯНЕЦ)

На Феодосийскую кафедру 25 июня 1930 года был назначен архиепископ Арсений (Смолянец). Но и он оставался в Феодосии недолго. Через 18 месяцев, 23 декабря 1931 года, из-за надуманных подозрений НКВД он был арестован, в силу чего о его пребывании в Крыму материалов осталось больше.

Поводом для ареста архиепископа Арсения послужили два незначительных происшествия.

В один из воскресных дней начала августа 1931 года после литургии к архиепископу Арсению подошла молодая женщина и назвалась сестрой известной ему жительницы Ялты Екатерины Куртен⁸. Мария Эдуардовна передала конверт, в котором, по ее словам, должны быть деньги, отпущенные церковным советом Иоанна-Златоустовского собора на архиерейские нужды, и записка настоятеля протоиерея Димитрия Киранова, и попросила расписку в получении денег. Владыка нашел неудобным производить эту операцию в соборе и, кроме того, заинтересовался французенкой по отцу с хорошим образованием, прожившей уже несколько лет в Кизилташской пустыне близ Ялты под руководством схиеромонаха Софрония (Дубинина) в качестве инокини среди простых русских монахинь. Задержавшись ненадолго, владыка побеседовал с представленными ему спутницами Куртен, приехавшими на феодосийский базар за покупками, отпустил их, а Марию Эдуардовну пригласил к себе домой. Она пришла через час в особнячок, состоящий из трех небольших

комнат, и получила расписку. А так как хозяйка дома Антонина Васильевна уже накрыла стол к обеду в прилегающем к дому саду с прекрасным видом на Феодосийскую бухту, владыка любезно пригласил гостью отобедать с ним. Он расспросил Марию Эдуардовну о положении церковных дел в Ялте и высказал предположение, что Иоанно-Златоустовский храм пополнился новыми прихожанами, так как, по его сведениям, Александро-Невский собор принял обновленцев, и они перешли в верхний храм, до последнего времени остававшийся верным Церкви. Куртен сказала, что это, к сожалению, далеко не так, и старые прихожане не хотят расставаться с собором, несмотря на перемену ориентации, и, сверх того, обновленческий епископ Вениамин (Молчанов) своим прекрасно обставленным богослужением, чарующими голосовыми данными, многократной проповедью в течение одной службы сумел привлечь к себе часть православных прихожан.

Затем Мария Эдуардовна говорила о возможности переезда их семьи во Францию, о том, что этот вопрос еще не решен окончательно и у нее есть сомнения. Ее отцу, ездившему в Москву хлопотать о возвращении на родину, в посольстве обещали помочь и даже предоставить бесплатный проезд до Парижа, но советские чиновники не сочувствовали его инициативе, и, в первую очередь, это касалось ее сестры Екатерины, уже принявшей советское подданство. Кроме того, ее мать, русская, не хочет "слагать свои кости на чужбине". В разговоре владыка Арсений попытался указать на некоторые неудобства жизни сестер во Франции по причине слабого знания французского и в особенности из-

за отсутствия православных храмов в католической стране. На это Куртен сказала, что надеется устроиться в общине православных сестер в Париже, устроенной Н.П.Римской-Корсаковой, известной владыке еще по Твери.

Мария Куртен предложила архиепископу Арсению, если есть необходимость, передать что-нибудь на

Игуменья Евдокия (в миру Екатерина Куртен)

Схиомонах Софроний (Дубнин)
Публикуется впервые

запад знакомым архиереям. Владыка поблагодарил и сказал: "Если встретите кого-либо из наших епископов, передайте, что хотя здесь живется мне не очень сладко, но все же я рад, что остался на месте, а не уехал с теми, которые эмигрировали".

Обед из двух блюд, фруктов и чая длился около двух часов, и, когда гостя собралась уходить, архиепископ сказал: "Погодите, у меня может быть к вам просьба. Не можете ли вы, перешагнув границу, передать от меня весть митрополиту Антонию (Храповицкому), моему старому знакомому?" Когда она охотно согласилась, владыка Арсений попросил передать ему на словах все подробности его жизни, какие она увидела: в каком храме служит, как поет хор и о чем возможно говорить на проповедях. И добавил: "Передайте ему, что я живу в Феодосии, познакомьте его с моим бытом, передайте, что бывший в Таганроге келейник теперь архимандрит, а мальчик Ваня Кабанов¹³ (которого так любил митрополит Антоний во время своего пребывания в Таганроге) уже получил среднее образование". Владыка объяснил Марии Эдуардовне, что с митрополитом Антонием он знаком уже сорок лет и еще гимназистом 7-го класса обращался к нему.

"При посредстве митрополита я поступил на второй курс Академии и в течение двух лет окончил ее. В значительной степени он содержал меня во время моего пребывания в Академии. Лично я его видел в Уфе в 1901 году, куда ездил на его счет лечить начало горловой чахотки. По окончании курса Академии я год прослужил в

13 Ваня Кабанов жил при епископе Арсении и прислуживая в храме. Владыка занимался с ним общеобразовательными предметами и, по всей видимости, готовил к священническому служению.

должности на учебной службе у митрополита Антония, который уже был на Волыни. С 1903 года я бывал у митрополита Антония изредка, проездом, не более 4-5 раз до 1919 года. В 1919 году митрополит Антоний приезжал в Высшее Церковное Управление при Добровольческой Армии и дважды у меня останавливался. С 1919 года я не получил от него ни одной вести и сам не написал ему, но продолжаю митрополита Антония высоко ставить по-прежнему <...>. Когда будете проезжать через Варшаву, поделитесь впечатлениями о Феодосии с тамошним митрополитом Дионисием, учеником Антония и близким к нему человеком..."

Другой эпизод, попавший в поле зрения НКВД, произошел в сентябре. Человек, лет 25-ти, в субботу вечером вошел в алтарь и представился владыке келейником покойного архиепископа Петра (Зверева), его старого знакомого, и обратился с просьбой о помощи. Архиерей дал ему свой адрес и предложил прийти к нему домой после службы. Молодой человек сказал, что когда он находился в ограде храма, к нему подошел неизвестный мужчина и спросил, откуда он и как его фамилия, на что он ответил, что приехал из Ленинграда и фамилия его Касаткин. Но владыке Арсению он представился Алябьевым и показал документ, выданный ему при освобождении из лагеря. Незнакомец рассказал, что родом он из духовной семьи, сын ныне умершего ленинградского протоиерея, окончил четыре класса реального училища и последнее время жил и работал в Нижнем Новгороде. Как член церковноприходского совета одной из церквей Тихоновской ориентации был арестован и отправлен на Соловки, где пробыл год. До Нижнего Новгорода жил в Воронеже и с 1926 по 1928 год был

келейником у архиепископа Петра. По окончании срока был сослан на год в Анапу и вот сейчас едет в Москву, но в Керчи у него украли деньги и вещи, и оттого он заехал к архиепископу Арсению как бывшему другу почившего владыки Петра с просьбой о помощи.

"В Феодосию ко мне, - вспоминал владыка Арсений, - он явился в пальто, в тельнике и трусах. Насколько это соответствовало действительности, мне не известно, но допускаю, что это была цель побольше получить". Во время беседы незнакомец высказал большую осведомленность в церковных делах, в особенности о духовенстве, находящемся на Соловках. И рассказал об их лишениях и злостраданиях, о том, как за маленькие проступки сажают в карцер или ссылают в Анзерский скит - страшное место для "провинившихся" заключенных, где дают не более 200 граммов хлеба и где невинные люди умирают как мухи.

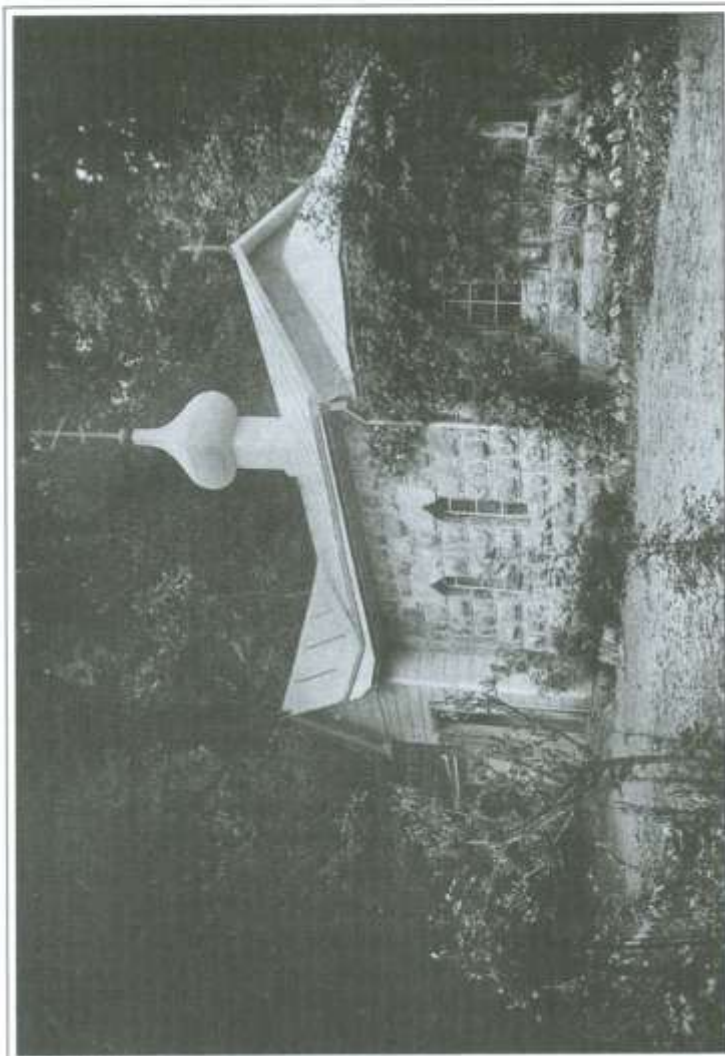
"Он сообщил мне фамилии немногих архиереев и духовенства, находящихся в заключении. Среди них помню Иоасафа Жевахова, бывшего князя, получившего сан архиерея и тут же арестованного, не совершившего ни одной церковной службы. С его слов, архиепископ Петр умер от тифа в Анзерском скиту, и по его, Алябьева, просьбе власти разрешили владыку Петра похоронить в отдельной, а не в общей могиле, так как тогда были массовые смертные случаи.

Пробыв два дня в Феодосии, молодой человек уехал в Москву, с его слов, к профессору Гидуляну, который ему якобы покровительствует. На меня он произвел впечатление культурного, образованного и ловкого человека с большим житейским опытом, сведущим в житейских делах и стойкого борца за православную веру.

Я дал ему 30 рублей на билет до Москвы и попросил навести справки по телефону в Синоде о моем переводе, но никаких сведений от него больше не получал...". Кем был на самом деле Алябьев-Касаткин, владыка так и не узнал.

Следователь вызвал на допрос сосланного в Феодосию в 1928 году Александра Александровича Панова, инвалида третьей группы, одинокого человека, в свое время окончившего юридический факультет Московского университета. Он был типичным русским интеллигентом-либералом, с развитым чувством справедливости и страстным желанием мирно разрешить социальные противоречия, за что однажды был лишен места в Краснодарском суде и даже свободы на время следствия. У него были обширные знакомства в Феодосии, он дружил с семьей Константина Богаевского и другими замечательными людьми города, но во время хандры и уныния, регулярно его посещавших, нуждался в моральной поддержке и духовном утешении,

Кизилташская
пустынь
под Ялтой.
1920-е гг.
Публикуется
впервые

Сестры
Кизилташской
пустыни,
1920-е годы.
В центре –
схиеромонах
Софроний.
Публикуется
впервые

которые в полной мере мог получить только от владыки Арсения. Свои отношения с архиереем А. Панов охарактеризовал следующим образом:

"При знакомстве архиепископ Арсений произвел на меня приятное впечатление, и я стал у него бывать. Имея суровый вид по наружности, архиерей оказался крайне приветливым, не казался фанатиком, любил шутить, занимался дрессировкой хозяйской собаки. Бывал я у архиепископа Арсения не часто, в месяц раза три <...>. Дом архиепископа был открытый, и в нем часто бывали люди, в основном церковные женщины. Помогали по хозяйству, готовили обед, убирали. Приходили певчие и просто знакомые, например, Владимир Гольштейн, перешедший из иудаизма в православие, о котором архиерей как-то сказал: "Этот глубокий жизненный практик и сын своего народа считается с действительностью, желая от нее получить все потребное для существования <...> на земле".

Владыка с Александром Пановым никогда не говорил о политике, их беседы касались религиозных, бытовых или доверительно медицинских вопросов, так как у них были схожие заболевания, и, как правило, оставались в русле духовных интересов. А.Панов расспрашивал об архиепископе Евлогии (Георгиевском), так как в свое время служил в Екатеринбургском окружном суде в одном отделении с его братом Иваном Семеновичем. В контексте происходящего говорили о промысле Божиим, о преподобном Серафиме Саровском, которого собеседники чтили с особой ревностью еще до прославления. Спрашивал архиерея и о баптизме, интересовался его духовными и материальными проявлениями, так как его сестра, уехавшая в Америку, жила и работала на

баптистской ферме. Владыка отзывался об этой секте, о ее учении и толковании Писания пренебрежительно. Разговаривали о монашестве, и как-то раз Панов рассказал о сыне композитора Ляпунова, который, "будучи богато одарен всем, человеком физической красоты необыкновенной и разносторонне талантливый и образованным, в 1926-м ушел в монастырь в Ленинграде...". Беседовали о русских философах.

"Помню, - показывал на следствии Панов, - говорили о статье Владимира Соловьева, где проводилась утопия этого великого иудофила о воссоединении церквей: православной, католической и еврейской. Помню, еще мы беседовали по поводу статьи Булгакова (с писанием которого впервые познакомился). Епископ Арсений толковал статью "Революция и интеллигенция 1905 года" очень пессимистично, что, мол, увлекшись революцией, интеллигенция отошла от Бога <...>. Как-то говорили по поводу прочитанной статьи в "Известиях" М.Горького, где он говорил, что Антоний (Храповицкий) будто бы благословлял белоэмигрантов на всякую пакость в отношении Союза Советов. Помнится, что епископ Арсений с большим осуждением к этому отнесся, говоря, что если это правда, надо удивляться, как эмигранты не только оторвались от родины, но и не понимают, что всякая война - это бедствие для человечества вне зависимости от ее исхода. Благословлять и оправдывать бойни не дело духовников, тем более иерархов, и он удивляется Антонию (Храповицкому), которого он чтит как великого постника и молитвенника <...> и великого блюстителя православной веры. Епископ Арсений вспоминал иногда о Патриархе Тихоне с большим почтением".

24 октября 1931 года следователь допросил владыку

Арсения (в миру Александра Владиславовича) и предложил ему рассказать о себе и своих взглядах.

"Воспитание я получил в семье отца - учителя города Варшавы. Отец был человек верующий, но не фанатик, и духовной (церковной) жизнью семья не жила. Не имея никакого религиозного влияния со стороны членов семьи и извне, с 4-го класса гимназии я по собственному призванию стал увлекаться церковью - регулярно посещал все церковные богослужения¹⁴. По окончании семинарии поступил в университет на юридический факультет. В то же время стал заниматься богословскими науками. Ко времени окончания университета¹⁵ у меня уже определилась склонность к служению на духовном поприще, но, не считая себя достаточно подготовленным к этому, стал работать по линии юстиции. Четырехлетняя работа на судебных должностях в городе Варшаве явилась годами окончательного оформления моего мировоззрения, и я твердо решил идти на духовное поприще. В эти же годы усиленно занимался богословскими науками, что и дало мне возможность в 1900 году поступить на второй курс Казанской Духовной Академии. С 1902 года по окончании Академии был назначен на административно-педагогическую работу по школам духовного ведомства¹⁶. На этой работе в должности ректора Ардонской (Осетия) духовной семинарии застала революция 1905 года. Событиям 1905 года должной оценки не давал. Ясным для меня было то, что массовые выступления семинаристов России явились следствием сословной замкнутости

¹⁴ В молодые годы перешел из католичества в православие.

¹⁵ В 1896 году окончил Варшавский Императорский университет со степенью кандидата права.

¹⁶ 23 марта 1902 года пострижен в мантию ректором Казанской Духовной Академии епископом Чистопольским Алексием (Молчановым) в академическом храме. В 1902 году рукоположен во иеромонаха.

духовенства и духовных учебных заведений. Существовавший режим в средних и высших учебных заведениях, формы и методы преподавания готовили людей односторонних. Очень часто молодежь (духовная) должна была идти в семинарии и священники против своего призвания. Вот поэтому, когда вспыхнула революция 1905 года, учащиеся духовно-учебных заведений и особенно семинарий были охвачены массовым волнением. Насколько помню, в их требованиях заметное место уделялось вопросам уравнивания духовных учебных заведений с другими гражданскими учебными заведениями с вытекающими отсюда правами. Волнение семинаристов России под влиянием революции 1905 года духовенством, в том числе и мной, рассматривалось не только как протест против замкнутого сословия, но в них были заложены элементы и социальной реформы государственной власти, к которым студенчество прислушивалось, но в силу сложившихся обстоятельств дальше протеста не пошло. Идти по пути уступок рассматривалось, что это приведет к оскудению православной веры в церкви, с другой стороны, нельзя задерживать тех, кто не имел призвания. Чтобы прошла острота вопроса, а с другой стороны, дать возможность определить свое отношение к событиям, считал, что целесообразнее учебные заведения распустить. Распущена была и Ардонская семинария. В самом роспуске семинарии, в том числе и Ардонской, где я был ректором, я усматривал какую-то своеобразную форму репрессий и ее считал вынужденно необходимой. Да этого требовали не только события, но и государственные интересы того строя, в котором духовенство (церковь) играло заметную роль. В том же, 1905 году, я должен был применить ту же меру к

семинаристам: распустить 3 и 4-й классы Ардонской семинарии, пытавшиеся учинить расправу с экономом¹⁷. Причем, для конвоирования их от семинарии до железнодорожной станции через местные власти вызвал отряд казаков 10-15 человек.

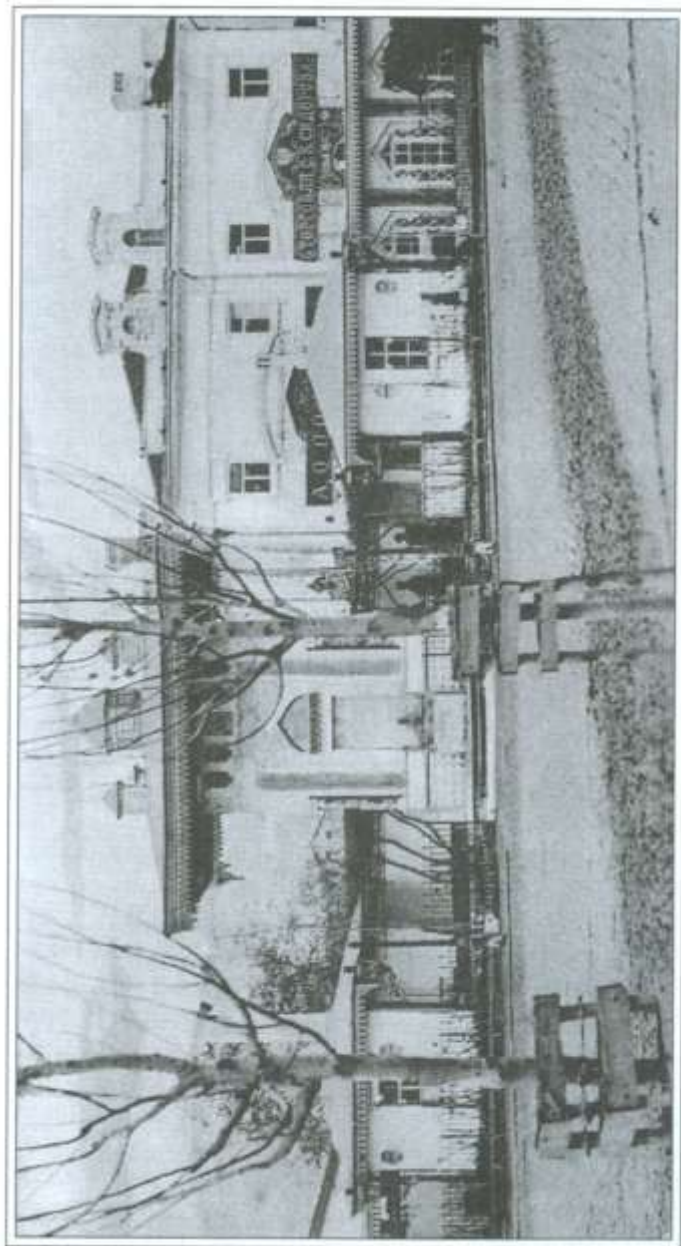
В наступившей после революции 1905 года реакции духовенство по линии Союза русского народа и других черносотенных организаций принимало активное участие. Мой непосредственный начальник Могилевский епископ Стефан (умер лет 15) принимал деятельное участие в этом Союзе. Этот же епископ пытался втянуть в Союз Истинно Русского Народа и меня, но, не разделяя этой работы с ним, в Союз я не входил. Во время империалистической войны моя роль как духовного лица сводилась к богослужению молебнов о даровании победы русскому воинству над врагами.

Февральскую революцию встретил с тревогой. Но в ней я уже усмотрел начало церковных реформ, и от них церковь должна уже пострадать и морально, и материально. Действительно, вначале было отменено преподавание Закона Божия в школах, детские собрания по религиозно-нравственным вопросам <нрзб.>. Октябрьскую революцию встретил с еще большей тревогой, чем Февральскую даже, чувствовалась растерянность. Ясно было для меня только то, что Октябрьская революция как революция пролетарская должна была положить конец церкви и религии. Расценивая же русский народ в массе как религиозный, считал, что на основании его потребности к вере Церковь

¹⁷ Помимо этого было совершено покушение и на епископа Арсения. Семинарист Иоаким Ясинский с оружием в руках пытался убить архиерея. Дальнейшая его судьба неизвестна.

найдет в нем свою базу, и что для ликвидации (изжития) религии нужно время. Если в настоящее время имеем в городах отход от церкви, то, по-моему, в деревне верующих много, и это есть основная база для церкви в данный период.

В 1919 году во время пребывания белых в Ростове ко мне в Таганрог из-за границы приехали митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский), епископ Никодим (Кротков), ныне на покое, и Павел [Вильковский], ныне архиепископ Пятигорский. Пробыли у меня разные сроки и разъехались. Больше всех пробыл митрополит Антоний, недели две, и выехал в Киев. После занятия Киева красными вернулся обратно в Таганрог и находился у меня. В это время Антоний выезжал в Ростов-на-Дону, Краснодар и другие города. Официального никакого положения - служебного, насколько мне известно, при Добровольческой армии он не занимал, но мне известно, что он имел встречи в Ростове-на-Дону с Деникиным. Всего Антоний за это время посетил Деникина три раза. Деникин же Антония посетил два раза. Визиты Деникина Антонию были в Таганроге у меня на квартире. При белых в Ростове с Деникиным я имел четыре встречи. Два раза с визитом заходил к нему на службу, первый раз один, а второй с Антонием (Храповицким) по возвращении его из-за границы и два раза у себя на квартире, когда Деникин делал визит Антонию (Храповицкому).

Феодосия. Фонтан И.К. Айвазовского. Начало XX в.

При белых в Ростове я являлся архиереем Ростовским и Таганрогским, жил и в Ростове, и в Таганроге. Как епископу мне неоднократно предлагали провести церковные молебствия, как например, освятить броневик, отправляющийся на фронт. От этой чести я всегда тактично отделялся и в такого рода молебствиях участия не принимал. Из Таганрога от меня Антоний выехал в Краснодар 26 декабря 1919 года. Когда он попал за границу, мне неизвестно, сведений из заграницы от Антония лично или через третьи лица я не получал...

К церковному расколу в православной церкви, наступившему с 1918 года со времени Поместного Собора, я отношусь отрицательно. Этот раскол, по-моему, кроме вреда для церкви ничего не даст. В происходящей борьбе духовенство среди верующих теряет авторитет, и верующие отходят от церкви.

Мероприятия Советской власти по вопросу изъятия церковных ценностей я не разделяю. Мне как духовному лицу жалко было оголять церковь. Отдавать ценности (в то время я был епископом Ростовским) - это нужно было идти против себя, выступать открыто я также не мог, поэтому я не выступал ни за сдачу церковных ценностей, ни против, и свое положение в этом вопросе я характеризую - был на нуле. Во время изъятия ценностей в Ростове-на-Дону (в 1922 г.) был инцидент, выразившийся в избиении организатора изъятия ценностей (Муралова) и нанесении оскорбления члену комиссии НКУ Ростовского ГПУ - Емельянову. По этому делу был судебный процесс, по которому как обвиняемый проходил и я. Судом приговорен к расстрелу, а после расстрел заменен 10 годами тюремного заключения. Всего был в изоляции 5 лет. Освобожден досрочно по болезни".

О прошлом епископ Арсений заговорил под давлением следователя, так как именно в нем, а не в политкорректном настоящем архиерея таились главные претензии власти. Следователь предъявил епископу его статью "Убийства в Советской России", напечатанную в Ростове-на-Дону 30 сентября 1918 года в журнале "Церковь и жизнь" и некоторые другие документы, под которыми была и его подпись⁹.

После этого в присутствии подследственного архиерея следователь познакомился с его допросом от 13 мая 1922 года¹⁰.

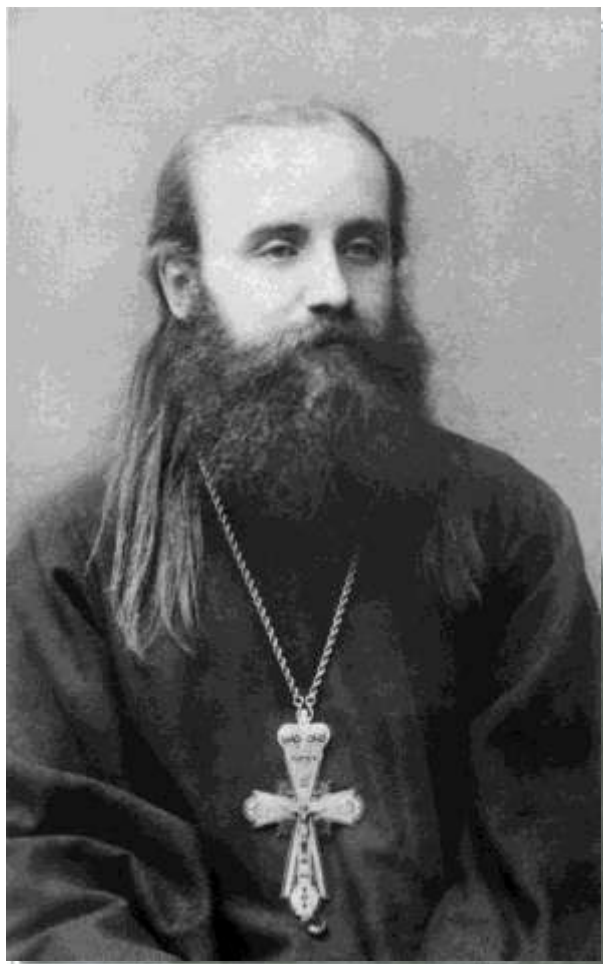
Следующий допрос состоялся 28 октября 1931 года. Следователь задал ряд вопросов и предложил архиерею в том же порядке дать свои ответы:

"1) Разделение в Русской Церкви имеет свои глубокие корни, скрывавшиеся в народной почве еще во время царизма и явственно обнаружившиеся после "февраля". Если началом церковной революции считать у нас появление так называемых рационалистических сект, то она длится уже около 80 лет. И нельзя сказать того, чтобы сектантство охватывало только элементы из менее культурных слоев общества. В Ленинграде, Москве появляются секты среди тогдашних высших классов общества. В начале текущего века брожение возникло среди части ленинградского духовенства. Это движение было предтечей обновленческого движения, хотя не все участники первого (протопресвитер Шавельский и др.) остались при своих мнениях и заняли места в живоцерковстве. Все современные движения в сторону от православия являются результатом болезненного состояния Русской Церкви, в каком застала ее революция.

2) Ликвидация церковей есть причина страдания для той

части населения, которая осталась верна религии, в частности, староцерковству. Перед фактами подобного рода мы, верующие, останавливаемся в молчании и грусти - и только!

3) Тем не менее мы не теряем надежды на то, что со временем острота церковного кризиса получит смягчение, и обеспечение духовных нужд жителей сел получит известное удовлетворение. Религия в основе своей имеет душевные переживания, а не есть только усвоение

Митрополит Антоний (Храповицкий)

известных положений ума, передаваемых катехизисом. Закрывание церковных собраний ослабит силу религиозного чувства в народе, но не может искоренить его, как закрытие музыкальных школ и истребление музыкальных инструментов не заглушило бы в народе музыкальности. Такие меры лишь стеснили бы ее развитие и силу власти, если бы таковой опыт, первый в истории человечества, был сделан; убедившись в его неполной значимости (а может быть, и большем), решили бы дать известный ход религиозному чувству в его собирательных стремлениях.

4) Западный религиозный мир, особенно католический и баптистский, учитывает оскудение религии в русском народе и предстоящий недостаток в ее учителях; он не в одном месте готовит кадры проповедников из русских эмигрантов, чтобы направить их к нам при возможности. Но наблюдения над нашим народом показывают, что он не склонен к католическому исповеданию; особенно это нужно сказать о великороссах. Более надежд могут иметь западные сектанты, но возможно то, что в прежнее время перешло бы в евангелизм, ныне стало атеистичным, и дальнейшее духовное состояние этой части народа загадочно.

5) Католические учебные заведения для воспитания ксендзов из русских имеются в Риме, Бельгии, Париже. Бывший секретарь царского посольства в Риме Голицын (кажется, так), из князей, стал ксендзом.

6) Сведения о жизни русских за границей и мыслях против нас со стороны иноверцев черпаю из светских газет и по слухам в Москве от разных лиц".

Следователь выяснил, что со своими родственниками: матерью Лецкадией Ивановной, братом Вячеславом, преподавателем математики, и сестрой Антониной, женой

бургомистра г. Владиславска — владыка потерял связь с 1917 года. В 1926 году он посетил Киев и от своего бывшего воспитанника протоиерея Владимира Садовнического узнал, что мать и брат уже умерли, о сестре нет никаких сведений, а ее муж умер во время войны, и узнать что-либо не представляется возможным, так как священник уже прекратил отношения с польской стороной из-за большого риска и других неприятностей.

В Киеве Смоляиец встречался с архиепископами Дмитрием (Абашидзе) и Дмитрием (Вербицким), а потом, заехав в Харьков к своему старому другу акцизному чиновнику Карасько, которого уже не оказалось в живых, встретился с епископом Онуфрием (Гагалюком). В том же 1926 году приезжал в Нижний Новгород к митрополиту Сергию (Страгородскому).

На допросе архиепископ говорил о том, что в марте 1929 года, когда он был в Москве, заезжал в Брянск с надеждой найти старого приятеля Рекунова из гор. Радзивиловска, у которого когда-то крестил дочь, но не нашел. По возвращении в Москву он заехал в Орел к епископу Николаю (Могилевскому), от которого узнал, что в его епархии среди духовенства было движение против власти и даже антисоветские выступления. Епископ сообщил ему, что оставить кафедру его вынудили обстоятельства жизни епархии. Для предотвращения этого движения местное ГПУ предложило ему выпустить воззвание к духовенству и мирянам. Воззвание он составлял четыре раза, но оно все не удовлетворяло ГПУ, и каждый раз его принуждали составлять новое. И только на пятый раз ГПУ одобрило его текст и обнародовало, а так как воззвание не отвечало его воззрению, то он после происшедшего решил уйти на покой.

Из Крыма в Москву выезжал дважды: первый раз в октябре 1930 года и посетил Москву, Тверь, Люберцы, а второй раз - в мае 1931 года и, помимо столицы, заезжал в Тверь и Тулу. В Москве останавливался и жил у митрополита Сергия, в Твери - у Анны Ивановны Троицкой, вдовы чиновника. В Туле был проездом и посетил только соборное духовенство и епископа Флавиана (Сорокина). В Люберцах останавливался у матушки Федосьевой, мужа которой выслали в Сибирь.

Следователь потребовал от владыки объяснить возможно подробней, что он знает о церковной жизни за границей и каково его отношение к ней.

"О жизни в церкви за границей мне известно следующее: заграничные русские эмигранты, численность коих мне не известна, во всяком случае составили очень значительные религиозные группы в больших странах Запада - Германии, Франции, Англии и довольно значительные в Италии, Швейцарии и др. Религиозные нужды этих групп, сильных также и культурностью их, стали обслуживать эмигрировавшие за границу священники и епископы. За организацию церковной власти на западе принялись митрополит Антоний (Храповицкий) - как личность выдающихся качеств ума, воли и нравственности, искренняя в своих взглядах и прямолинейнейшая в своих царски-династических, славянофильских, консервативных взглядах; так как Антоний возвышается всюду, где он появляется, то и за границей, несмотря на обилие среди русских эмигрантов выдающихся голов, он и на западе занял самое видное место среди русских ревнителей веры и духовных, и светских. На соборе в Карловцах, с историей коего я не знаком, был выработан проект организации русской

православной заграничной церкви в странах эмиграции (вошла ли в эту церковь Америка, мне не известно). Как отнесся к появлению в этих странах Константинопольский Патриарх, простирающий, по собственному мнению, власть над церквами, кроме посольских, не знаю. Сначала, по-видимому, дело стояло на чисто церковной платформе, и тогда Антоний имел всеобщий авторитет, покоившийся на его личности. Но так как среди русской церковной части публики на западе имеется немалый, а может быть, весьма значительный процент людей, отошедших от славянофильских начал и настроенных кадетски, а религиозные интересы обычно переплетаются с политическими, то прямолинейная крайняя правая точка зрения Храповицкого в делах политики отшатнула от него многих, возможно, очень многих его сторонников не только среди мирян, но и духовенство, даже среди епископов. Особенно это, по газетным слухам, обнаружилось в вопросе о престолонаследии. Хотя мнение русских в России по этому вопросу не было опрошено, и отсутствие в народе сожаления не только о падении, но и о судьбе династии должно было бы слуг престола образумить, тем не менее Антоний с единомышленниками форсированно ввели политику Союза русского народа в карловацкие сферы. По газетным слухам, будто бы даже за границей была совершена коронация одного великого князя в цари. При такой политической линии Храповицкого против его тактики восстал митрополит Евлогий. За границей произошло разделение в церковных кругах. Евлогий образовал церковное общество, может быть, церковь, не зависимую от Антония. В каких странах возобладало то и другое течение, в подробностях мне не известно. Во всяком случае, Париж занят Евлогием, в

Берлине епископ Тихон из лагеря Евлогия перешел в лагерь Антония; будто бы б. крайний правый фанатик Вениамин, б. Севастопольский и военный епископ порвал с Антонием. Каково процентное соотношение церквей и верующих разных православных ориентаций в разных странах ныне, не знаю, но, по слухам, позиции Антония ослабели. В Америке митрополит Платон будто бы отложился (или осудил) от Антония еще ранее Евлогия; писали, будто бы Антоний послал своих епископов в Америку; к чему там привела церковная распря, не знаю. В Соединенных Штатах церковное положение отяготилось тем, что там появился обновленческий епископ Кедровский и занял часть православных церквей. По образованию разных церковных формаций возник вопрос об отношении их к матери Церкви, так как самостоятельно существовать они не имеют основания в канонах. Евлогий признал для себя силу известных распоряжений митрополита Сергия, но вряд ли выдержал характер до конца, так как ныне он будто бы признал над собой власть Константинопольского Патриарха, то есть отрекся от митрополита Сергия. Антоний будто бы не порвал с Сергием, только вряд ли он признает для себя обязательными декларации нашего митрополита, не имеющие строго церковного содержания.

Относительно соединения англиканской, румынской, польской, сербской, болгарской церквей скажу следующее. Вопрос в такой постановке есть богословский абсурд. Речь может быть о соединении англиканской церкви с православной; это соединение может произойти в любой церкви православной страны, и в силу этого оно обязательно для всего православного мира. Какого-то договорного союза, отдельного, а не всеобщего,

англиканской церкви с отдельными автокефальными церквями быть не может. Вопрос о соединении англиканской церкви со всею православной церковью в лице Русской Церкви имеет свою почти столетнюю историю.

Еще более древнюю историю имеет история соединения этой церкви с Константинопольской. Соединение англикан с православными в Москве или Константинополе было бы обязательно для всех остальных автокефалий востока. Союзов между отдельными церквями не на церковной почве история Церкви не знает, тем более с неправославными, например, хотя бы английской. Католицизм в ожидании лучших времен для веры в России и ввиду осуждения в русском священстве в Союзе готовит кадры ксендзов из русской эмиграции. В Риме давно уже существующая семинария для образования русских клириков наполнена русским юношеством. Будто бы есть особые школы для русских в Бельгии и Париже. Одновременно с этим пропаганда среди верхов русского общества, существовавшая искони, оживилась в Риме, недавно перешел в католицизм кто-то из русских князей, бывший секретарем царского посольства в Риме.

*Смолянец Александр
23.XI.32. "*

Следствие пыталось инкриминировать епископу Арсению связь с границей и то, что он передал митрополиту Антонию нечто порочащее отношение Советской власти к Православной Церкви. Следователь выявил все сколько-нибудь реальные контакты, какие были у архиерея. В его поле зрения попали Евгения Петровна До

можирова¹⁸, жившая в Твери, лишь только потому, что поддерживала отношения с братом владыки - белоэмигрантом, живущим в Париже, и Мария Николаевна Мацнева, также из Твери, некогда входяя к Н.П.Римской-Корсаковой

Мученица Евгения Доможирова. Тверская тюрьма, 1932 г.

и поддерживавшая с ней переписку. Но архиепископ Арсений настаивая на том, что устное поручение описать условия его жизни и не больше он давал только Марии

¹⁸ Евгения Петровна Доможирова родилась в 1871 г. в Риге в семье генерала. Училась в институте благородных девиц в Варшаве и школе Красного Креста. Работала в военном госпитале, затем в Александро-Мариинском институте в Варшаве. Переехала в Москву и в 1907-1912 гг. работала сестрой милосердия в институте Московского дворянства. Во время I Мировой войны — сестра милосердия в госпитале на Западном фронте в Полоцке. В 1917 г. уехала в Тверь, где вела активную церковную жизнь, за что в 1932 г. арестована и этапом отправлена в Казахстан, где 18 января 1933 г. скончалась в Алма-Атинской тюрьме. Причислена к лику святых. Память празднуется 5/18 января.

Куртен и подчеркивал: "Несмотря на то, что мне отлично известно, что митрополит Антоний и митрополит Дионисий ведут активную контрреволюционную борьбу с Советской властью, я как его ученик чувствую с ним духовное

Мария Мацнева. Тверская тюрьма, 1932 г.

единение, и я все-таки дал такое поручение Куртен. Никаких других поручений политического характера я ей не давал". Связавшись с тверскими коллегами, следователь выяснил, что епископ Арсений был не вполне откровенен с органами и не назвал всех своих знакомых...

Священномученик Илия Громогласов.
Москва, 1900-е годы

Так он попытался скрыть свое знакомство с известным в церковных кругах профессором-протоиереем Илией Михайловичем Громогласовым¹⁹, с которым познакомился в 1929 году в Твери и посещал его неоднократно в 1930-1931 годах. Они говорили об экономических трудностях жизни в Крыму, о тягостных ограничениях духовенства, невозможности проповедовать, выезжать на приходы и непосильных налогах. Епископ Арсений рассказывал, как в Севастополе из-за неучтенной мелочи репрессировали священников, как был взорван Александро-Невский собор в Симферополе. Протоиерей Илия интересовался священником Сергием Булгаковым, его пребыванием в Ялте. По настоянию следователя владыка охарактеризовал своего собеседника следующим образом: "По политическим убеждениям Громогласов не монархист и не советски мыслящий человек, а скорее, может быть причислен к демократам".

Следователю стало известно о приятельских отношениях владыки с настоятелем Троицкого собора Дмитрием Боголюбовым, замечательным миссионером, с которым он случайно познакомился в Твери. В своих беседах они сокрушались о разрушающих церковную жизнь непосильных налогах и обговаривали удивительные

19 Илия Михайлович Громогласов родился 19 июля 1869 г. в с. Ермиши Тамбовской губ. в семье диакона. Окончил Московскую Духовную Академию в 1893 г., оставлен при ней профессорским стипендиатом. Защитил диссертацию на тему "Определения брака в Кормчей", за нее получил премию митрополита Макария. Преподавал в МДА, затем в гимназии. Выдержав экзамен в Московском университете, был принят в число приват-доцентов на юрфак на кафедру церковного права. Одновременно был профессором МДА по кафедре церковного права. Автор множества науч. работ по истории раскола. В 1917 г. Синодом включен в состав Предсоборного совета. Участник Поместного собора. 20 февраля 1922 г. Святейшим Патриархом Тихоном рукоположен в сан священника. 22 марта арестован, содержался во внутренней тюрьме ГПУ. По возвращении был настоятелем Воскресенской в Кадашах церкви. В мае 1925 г. арестован, сослан в Сургут Тобольского округа. В 1928 г. жил в Твери, служил в храме иконы Божией Матери "Неопалимая купина". 3 ноября 1937 г. арестован и 4 декабря — расстрелян. Причислен к лику святых. Память празднуется 22 ноября/5 декабря.

особенности наступившей эпохи.

На очередном допросе владыке пришлось по пунктам отчитываться и за свои знакомства, и за свои слова:

"Духовно-церковные меры митрополита Сергия, его воззвания, также и распоряжения о поминовении церковным обществом, а также духовенством были приняты с недоверием к их искренности. Между тем они имеют под собой каноническую подкладку.

Экономические и социальные мероприятия Советской власти тяжело отразились на положении Церкви: замена воскресений и праздников днями отдыха лишила Церковь немало числа религиозных людей за службами в эти дни; коллективизация упразднила класс более зажиточных слоев села, финансовую опору Церкви и духовенства; само население связывает коллективизацию со свободой от церковных отношений, состояние единоличников - с Церковью. Возникает вопрос о дальнейшей судьбе Церкви. Люди отрицательного направления считают дело Церкви законченным в своем существовании; сторонники Церкви видят в этом начало духовного распада русского народа, то есть падение нравственности как неперемennого условия существования народа; середину занимают те, которые хранят в себе веру в Промысел Божий и духовные силы народа: народ-де выработает новые формы существования, где найдут себе применение коммунизм, до сих пор настроенный враждебно к религии, и человеческая потребность веры.

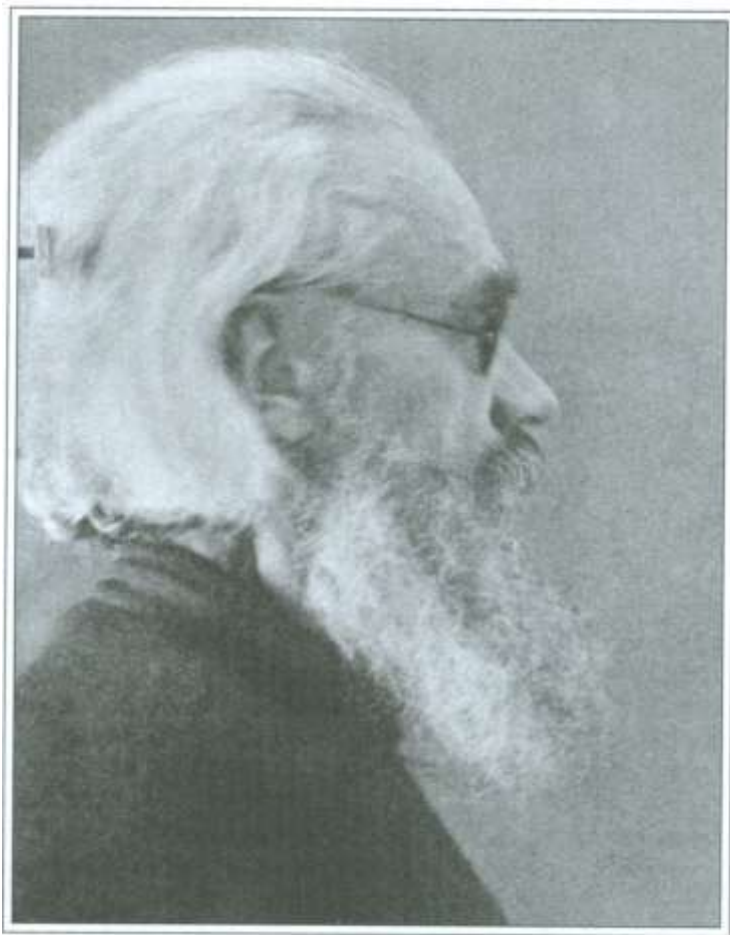
Если я говорил, что митрополит Сергий останется за бортом жизни, то я не беру назад своих слов в полном объеме. Доказательством этому является то, что собрания комплекта Синода при нем доведены до 4 кратковременных сессий; обычно же действует малый синод из

3-х лиц (в том числе и Сергия, и 2 иерархов). Очень может быть, что эти сессии будут малочисленнее. При отсутствии духовно-административных и духовно-учебных заведений в связи с современным советским строем деятельность церковного центра фактически стала полунезависимой (если не меньше) от Москвы. Митрополит должен ориентироваться в отношении паствы к епископу или иерею; митрополит Сергей в таких случаях не навязывает своей воли населению. Лично я имею полное уважение к

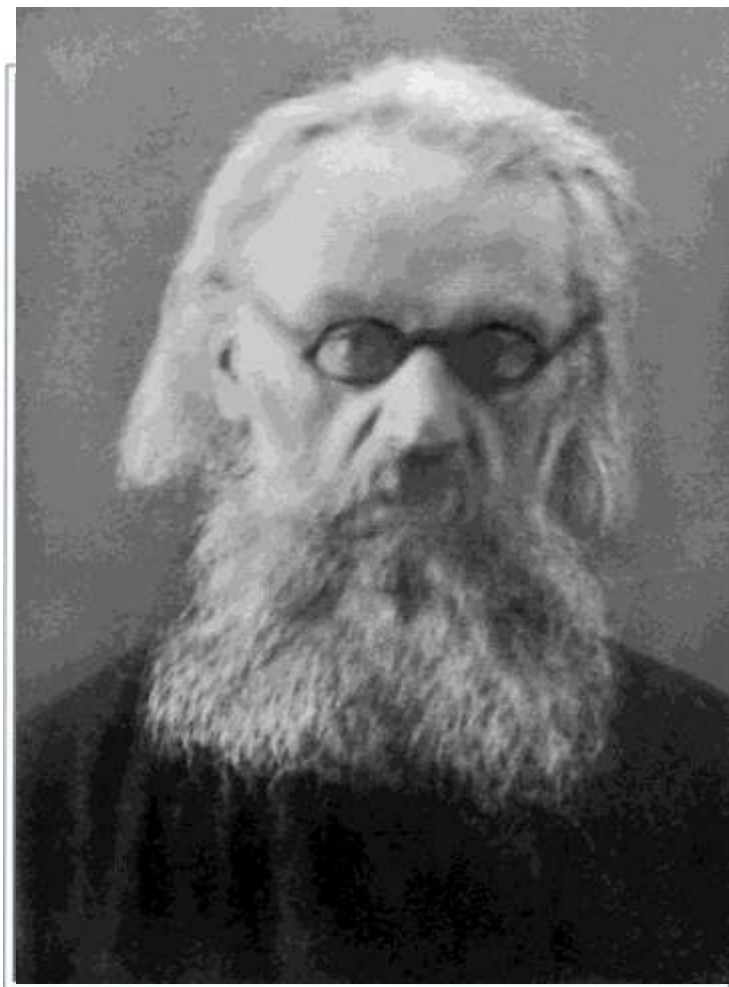
Армянский переулок с видом на музей древностей (гора Митридат). Фото 1930-х годов

митрополиту, столь превосходящему нас, епископов, умом и житейским опытом, и считаю его мероприятия и целесообразными, и не сходящими с колеи церкви. Союз митрополита Сергия с епархиями и епископами остается скорее в общении духа, нежели жизни. Что же касается

Архиепископ Арсений (Смолянец)

действий митрополита, то нет такого действия церковной администрации, которое было бы

Тюремное фото. 1932 г. Публикуется впервые

безразлично для гражданской власти, и святой Викентий Леринский в V веке писал: "Не государство в церкви, а церковь в государстве" <...>. Отношение органов ОГПУ к церкви и церковным вопросам, по-моему, для церковных руководящих работников — вопрос общеизвестный. Лично же мне как занимавшему руководящее положение в церкви в ряде епархий отношение ОГПУ к церковным делам известно еще

больше.

Среди своих приближенных и доверенных лиц об отношении органов ОГПУ к церкви и церковным делам я говорил. Этот разговор имел эпизодический характер, вытекал из разговоров в этом кругу по церковным вопросам. На мой взгляд, этот разговор никакой тенденции почти не имел и не имел цели сеять недоверие к органам власти среди церковников. Если же лица, с которыми я имел такого рода разговор, моим именем спекулировали, то за их действия виновным себя не считаю.

Относительно отношения Советской власти и большевиков к Церкви и священникам разговор в церковных кругах идет часто, и в настоящее время этот вопрос животрепещущий. Я считаю, что Советская власть ведет линию на уничтожение Церкви, и в этом усматриваю притеснение Церкви и репрессирование духовенства. Свою точку зрения среди доверенных лиц по этому вопросу высказывал в порядке обмена мнениями.

Относительно имевшего место моего заявления о системе шпионажа органов ОГПУ могу показать следующее. Летом 1931 года ко мне в Феодосию из Керчи приехал священник Лебедев Евграф. В разговоре с ним, когда Лебедев стал жаловаться на свое житье в Керчи, я ему сказал: "Вас не вызывают в ОГПУ, не предлагают записать в шпионы, это уже хорошо". И рассказал ему о разговоре в поезде со священником из Орла. Он мне передавал, что перед Пасхой в 1931 году в г. Орле всех городских священников вызвали в ГПУ и предложили записаться в шпионы - для донесений. Тех священников, которые не давали своей подписи, Орловское ГПУ высылало из города, а те, которые дали подписи, стали секретными сотрудниками ГПУ и были оставлены в городе.

О том, что Лебедев Евграф мой с ним разговор о системе шпионажа органов ОГПУ передавал керченским церковникам, мне никто не говорил".

Последнее сообщение особенно заинтересовало следователя, и он потребовал еще раз с большими подробностями рассказать, кто куда ехал и что именно говорил. Но ничего существенного сверх уже сказанного не услышал.

В результате своих "изысканий" следователь собрал весь возможный "компромат" на архиерея, в том числе и дореволюционный. "Следственное дело по обвинению Смоленца Александра Владиславовича - архиепископа Феодосийского и Крымского - Арсения, возникло на основании агентурных материалов, из коих усматривалась антисоветская деятельность, выражавшаяся в агитации среди церковников против мероприятий партии и Соввласти по церковным вопросам, в распространении слухов о притеснении духовенства, о незаконном репрессировании и системе шпионажа со стороны органов ГПУ <...>.

В дореволюционный период, еще в начале 1905 года, будучи инспектором Киевской духовной семинарии, Смолянец А.В. жестоко обращался с революционно настроенными семинаристами, за что на него было покушение - стреляли, но неудачно. В 1905-1906 годах после перевода из Киева на должность ректора Ардонской духовной семинарии Терской области арестовал одиннадцать семинаристов - руководителей революционного забастовочного движения в семинарии и распустил последнюю (вероятно, и роспуск семинарии следствие определило как вину архиерея перед Советской властью. - *Авт.*). Из числа арестованных после освобождения лишённые права поступать в учебные заведения кончали

жизнь самоубийством - стрелялись и бросались под поезд (откуда у следствия такие данные, из дела не видно. - *Авт.*) <...>. В 1919 году, во время пребывания белых в Ростове, совершал молебствия о даровании победы белому воинству над большевиками <...>. В 1922 году при проведении мероприятий Соввласти по изъятию церковных ценностей, являясь епископом Ростовским-на-Дону, оказал противодействие, выразившееся в избиении представителей власти (надо заметить, что владыка уже отбыл наказание по этому обвинению. - *Авт.*) <...>.

Материалами Сталинградского Окротдела ОГПУ за 1928-1930 годы за время работы в Сталинграде епископ Смолянец характеризуется как антисоветский тип, группировавший около себя реакционное духовенство, и подозревался в сношениях с духовенством, руководившим выступлением кулачества в Сталинградском округе в начале 1929 года²⁰.

Работая в Феодосии архиепископом Феодосийским и Крымским с 1930 по 1931 год, Смолянец окружил себя почитателями из бывших антисоветски настроенных людей, в их среде высказывал недовольство мероприятиями партии и власти по церковному вопросу, распускал слухи о притеснении духовенства, о репрессировании духовенства, о системе шпионажа органов

20 Этот вывод был сделан крымским следователем на основании "Выписки из меморандума секретного отдела Сталинградского городского отдела ОГПУ по агентурной разработке "Катакомба" по состоянию на IX-1930 г.": "Имевшиеся в нашем округе массовые волнения на религиозной почве преимущественно происходили со стороны церковников, причисленных к сергиевской ориентации, плюс ряд следственных дел на отдельных служителей церкви этой же ориентации дает основание полагать, что исходная нить к этому проходила со стороны возглавляющего в нашем округе эту ориентацию архиепископа Арсения, действовавшего через окружающую группу священников и монахов в городе, кои по его заданиям часто выезжали в районы для обслуживания тех или иных пунктов" и приложили характеристики на священника Павла Георгиевича Александровского, протоиерея Павла Алексеевича Добросердова и монахиню Римму.

ОГПУ и т.д."

В том же духе описана краткая встреча с М.Э.Куртен и Алябьевым-Касаткиным, "который рассказа,! о ряде провокационных сведений - о положении заключенного духовенства в Соловках. Касаткин не только нашел приют у Смоленца, но на дорогу до Москвы получил от него 30 рублей". И далее, вдохновляясь поставленной задачей, следователь делает предположения:

"Барнаульским оперативным сектором разыскивается священник Касаткин, член контрреволюционной организации, по их сведениям, выехал в Крым. Посещение указанным Касаткиным Смоленца совпадает с выездом разыскиваемого Барнаульским оперсектором Касаткина, и есть основания предполагать, что Касаткин, посетивший Смоленца, есть Касаткин, разыскиваемый Барнаульским оперсектором. Среди своих приближенных церковников Панова и других распускал провокационные слухи, что церковной политикой руководит не митрополит Сергей, а ОГПУ в лице Тучкова Евгения Александровича.

Проживая в Крыму, посылал в лагеря и ссылку осужденным органами ОГПУ священникам - Жижи-ленко [на Соловки], Феодосьеву [в Сибирь], Гуричу и другим посылки. Подобные случаи имели место и в бытность его в Сталинграде <...>. При следствии Смоленец показал большую осведомленность в вопросах церковной жизни за границей <...>.

Из изложенного усматривается:

1) Установление Смоленцом в августе 1931 года связи с Антонием (Храповицким) через французско подданную Куртен и связь с Польшей через Садовни-чего Владимира Ивановича <...>.

2) Агитация среди церковников против мероприятий

Соввласти по церковному вопросу, распускание ложных провокационных слухов о руководстве церковной политикой ОГПУ, о системе шпионажа ОГПУ; оказание материальной помощи репрессированному духовенству <...>

3) Активная борьба и репрессирование революционно настроенной молодежи - семинаристов в период 1905-1906 гг.<...>.

Материалы следствия в целом характеризуют Смоленца как монархиста, непримиримого к Советской власти элемента, способного к активной организационной контрреволюционной работе <...>. Арестованный Смолянец содержится при Крымизоляторе с 23 октября, перечисляется за Коллегией ОГПУ.

Оперуполномоченный 3-СПО ПП Модин 23.II.

1932. Симферополь".

14 марта 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило заключить архиепископа Арсения в концлагерь сроком на три года. 16 февраля 1933 года архиепископ Арсений был досрочно освобожден с лишением права проживать в 12 городах.